

ГРИГОРИЙ КАЛЮЖНЫЙ

ТРЕТЬЯ ОБОРОНА СЕВАСТОПОЛЯ

Едва ли не все события перестроечного периода в Крыму и, в частности, в Севастополе остро переживались мною, поскольку в нем проживала моя болевшая и бедствовавшая из-за мизерной пенсии мать. К тому же во всякий мой приезд знавшие меня севастопольцы с разных сторон одолевали вопросом: «Почему Москва бросила на произвол судьбы Черноморский флот, и его моряки, по существу, голодают? Почему российские СМИ либо замалчивают единогласное стремление севастопольцев (да и абсолютного большинства жителей Крыма) оставаться в составе России, либо изображают борьбу за отделение от нее?» И действительно, чуть ли не на всех домах и каменных оградах города виднелись крупные надписи: «Крым – Россия!». Эти надписи из года в год неизменно обновлялись, однако ни украинское, ни российское телевидение ни под каким соусом их не показывало. Тогда-то мною и было предложено, во-первых, послать представителей флота в Новомосковский район Днепропетровской области за продовольственной помощью (я окончил в Новомосковске среднюю школу и был уверен – колхозы района не откажут в ней); во-вторых, ввести в подвластной севастопольцам печати термин «Третья оборона Севастополя», дабы пробить хоть какую-то брешь в кольце информационной блокады; в-третьих, учредить регулярные встречи известных российских писателей с офицерами и моряками. Так волею судьбы я стал организатором этих встреч. Участниками первой встречи в феврале 1993 г. были такие известные писатели, как Дмитрий Михайлович Балашов, Михаил Яковлевич Лемешев, Валентин Васильевич Сорокин, Игорь Ростиславович Шафаревич и др. В начале мая того же года Севастополь посетил правнук великого русского флотоводца Михаила Петровича Лазарева (1788–1851) старейший писатель Олег Васильевич Волков (1900–1996), в честь приезда которого севастопольцы тут же вернули площади Революции имя его прадеда. В следующую поездку я пригласил Вадима Валериановича Кожина и Владимира Николаевича Крупина. Оба они обладали основательными познаниями в области отечественной истории с древнейших времен и, что немаловажно, имели репутацию первоклассных полемистов.

Мы выехали из Москвы в Севастополь 6 мая 1994 года. Уже не помню, почему в одном купе с нами оказался поэт из Кисловодска Владимир Григорьевич Гнеушев, человек весьма информированный, но, как выяснилось, не в меру пьющий. Поэтому мы с Кожинным то и дело перемещались в тамбур, где он, выкуривая сигарету за сигаретой, посвящал меня в тайны истории советской эпохи. В частности, говорил о только что написанной им для журнала «Москва» статье об истинных наших потерях с 1917-го по 1941 год. Оказалось, он помнил мои статьи, в том числе «Основы духовной навигации», опубликованную в 8-м

номере того же журнала за 1989 г., где я рассматривал массовое сокращение якобы неперспективных сел и деревень как преступление, могущее привести к обезлюживанию страны, и приводил основанный на переписи 1897 г. демографический прогноз Д. И. Менделеева, согласно которому, при условии сохранения тенденции рождаемости, народонаселение России к концу XX века должно было составлять 550–650 млн человек. Конечно, этот прогноз предназначался для империи в тогдашних ее границах. Но моей единственной на тот момент целью было засветить ситуацию, спровоцировать открытую дискуссию ради ответа на вопрос: “Если народам России так плохо жилось при царизме, то куда девалась раскрученная при нем рождаемость впоследствии?!”

Кожинов отвечал на этот адский вопрос конкретно, хотя и частично. По его расчетам, с 1918-го по 1922 год погибло не менее 25 миллионов человек, что, по его же мнению, превышало наши людские потери за всю Великую Отечественную войну, хотя в Гражданскую войну не было сравнимых с ней сражений, как не было в ее пределах и такого громадного количества бойцов. Выходило, что у нас была не столько Гражданская война, сколько бойня мирного населения, то есть геноцид. Для его сокрытия и был придуман статус якобы самого большого за советский период террора 1937–1938 годов, когда, по словам Кожинова, было репрессировано около 400 000 человек, в основном тех, кто огнем и мечом создавал их же и поглотившее репрессивное государство. Попав под его жернова, они, кстати, и тащили за собой действительно невинных людей, о чем досконально рассказал в своей автобиографической книге “Погружение во тьму” О. В. Волков, проведенный в тюрьмах, лагерях и ссылках едва ли не 30 лет. Об этом же мне неоднократно приходилось слышать и от него самого. Был он полностью солидарен с Вадимом Валериановичем и в том, что Хрущев реабилитировал самых главных палачей нашего народа – Косиора, Тухачевского, Якира и др.

Не верить Волкову у меня не было никаких оснований, все-таки он, хотя и вынужденно, принимал участие в Гражданской войне: в конце зимы 1918 года в Торжке был освобожден как заложник из-под расстрела конным отрядом Кучина, следовавшим на юг к генералу Корнилову. Олег Васильевич лично знал Петра Николаевича Врангеля, Владимира Владимировича Набокова, друга семьи Волковых Александра Васильевича Колчака, жившего по соседству в Петербурге Анатолия Федоровича Кони, Василия Витальевича Шульгина и других деятелей переломного времени. А вот к Вадиму Валериановичу у меня были вопросы, и прежде всего, как он образовался. Передаю услышанное от него по сути дословно: “Я занимал пост уполномоченного Краснопресненского райкома комсомола. Мне было 24 года всего. Настроен был, прямо скажем, революционно. Только что кончилась сталинская эпоха. Наметились какие-то перемены. Меня стали посылать на разные острые участки. В самом начале 1956 года направили в общежитие строителей, приехавших в Москву отовсюду. Вхожу в полуразрушенное здание. Внутри на стенах жилых комнат сантиметровый слой снега, инея. Ко мне обращаются как к человеку, имеющему власть: “Да что ж такое?!” А я и сам потерял дар речи от удивленного. И вот представьте себе, в конце концов вскочил на какой-то там стул и начал кричать: “Почему терпите?! Вы, рабочие люди! Надо пойти в райком партии и потребовать человеческих условий”. Тут один человек подходит ко мне и говорит: “Я пожилой человек. В свое время стал протестовать, так на Соловки закатали”. Я его успокоил, мол, больше этого не будет. А через некоторое время узнаю, что это общежитие как бы взбунтовалось и вызвало к себе начальника своего стройтреста по фамилии Дурдуляк. Тогда же подумал, ну Дурдуляке этому покажут. И, действительно, о его голову разбили графин... Все кончилось для строителей плохо – арестами. А спустя год или два увидел на улице объявление со списком тех, кого следует выдвигать в депутаты Моссовета, и среди них фамилию этого Дурдуляка. С тех пор у меня живо ощущение того, что я выступил в общежитии строителей, правда сам того не осознавая, в роли козла-provокатора, козла-предателя”. Видя мою невключенность, Вадим Валерианович объяснил, что это идущее от скотобойни выражение обозначает наигнуснейший вид предательства, когда “козел-provокатор” вылезает вперед под видом вожака и ведет за собой своих ничего не подозревающих соплеменников на убой. Сам же в последнюю минуту уходит или его уводят в сторону для последующего привода обреченных. По категорическому убеждению Кожинова, в пропасть перестройки завели нас именно “козлы-

провокаторы”, которые, прикрываясь липовыми званиями и степенями, проникли чуть ли не во все жизненно важные сферы. Вообще тема новейших фальсификаций и подлогов, как мне показалось, интересовала его особенно. Стоило мне, к слову, прочесть свое коротенькое стихотворение о ложных маяках, как тут же последовал вопрос. Я привел ему пример авиакатастрофы из предыдущих лет, в которой погиб глава небольшого африканского государства. Не сразу, но в конечном счете выяснилось: террористы установили у подножья горы передвижной ложный маяк, работающий на частоте реального посадочного маяка, только с большей мощностью. В результате экипаж начал преждевременное снижение, и самолет врезался в гору. Ложный маяк сразу же выключился и укатил в неизвестном направлении. Все стало выглядеть как несчастный по вине летчиков и неблагоприятной погоды случай. Это, так сказать, в чисто техническом плане. А в политико-идеологическом все обстоит гораздо хуже, ибо при помощи даже одного ложного маяка можно привести к гибели любой государственной лайнер, если его курсовая система жестко задействована на такой маяк. Вот сейчас всю страну нацеливают на тотальный бизнес, который якобы все сам и регулирует. И никто наверху не задумывается над тем, что бизнес — это замкнутое на самом себе чертовое колесо, могущее в любую минуту пойти в разнос...

“Как же не задумывается, если чуть ли не все козлы-реформаторы и бизнесмены уже обзавелись запасными фазендами за бугром”, — съязвил Кожин. Было далеко за полночь, и следовало подумать хоть о каком-то частичном отдыхе, но Вадим Валерианович извлек очередную сигарету. Чувствовалось, что он чем-то если не отягощен, то озабочен. И вдруг: “А вы знаете, Григорий Петрович, я ведь терпеть не могу выступать на митингах, хотя приходилось: дурью по журналам, бывало, просто заставят прийти в большое собрание. Предпочитаю беседу, лучше если с читателем, ибо он способен поразмыслить, способен трезво отнестись к тому, что я сказал. А когда я стою перед толпой в каком-то таком эмоциональном надрыве, что-то кричу — это и совсем другое дело”. И тут он стал чуть ли не скороговоркой объяснять, почему у него аллергия на митинги. Опять же вспомнил общежитие строителей, сослался на своего учителя Бахтина, тоже не питавшего любви к митинговости. И даже пересказал его “гениальные мысли” на этот счет. Вдруг Кожин как бы осекся и резко сбавил скорость своей речи: “Нет. Ну конечно, если это уж так необходимо, я готов выступить и на так называемых митингах. Ради Бога. Но только честно говорю — это не моя линия”.

Тут я не удержался: “Вы что же, Вадим Валерианович, вообразили, что я вас, как Ленина, везу в plombированном вагоне делать революцию?! Мы с вами едем не митинговать, а общаться... Севастопольцы ни в каких призывах не нуждаются. Они жаждут взаимосогласованности с Москвой”. Надо было видеть, как он просветлел, преобразился и заговорил: “Теперь, когда вы сняли камень с моей души, я буду с удовольствием вести с ними речь об истории, которая по разным причинам фальсифицирована до безобразия. Именно поэтому у нас никто ничего не знает. Сам удивляюсь, но ведь уже 15 лет занимаюсь российской историей. Остальным — это так, между прочим. Главное — история России”.

Не знаю, как спалось Вадиму Валериановичу остаток ночи под крылом его ничем не возмутимой супруги Елены Владимировны Ермиловой — они ехали в соседнем купе — а вот мне выспаться почти не удалось, потому как Гнеушев потерял какую-то очень важную для него рукопись и все время норовил искать ее у меня под матрасом. Крупину, спавшему богатырским сном на верхней полке, повезло больше.

К счастью, только рассвело, Кожин опять увлек меня в тамбур и сразу же: “Никого не буду призывать чему-то сопротивляться. Просто постараюсь объяснить две вещи: что такое взаимоотношения России и Украины, а они исконно и совершенно родственные. И во-вторых, — что такое Севастополь. В частности, есть абсолютно ложное представление о том, что это 200 лет назад выстроенная крепость. Ничего подобного. Для России история Севастополя уходит в 1200-летнюю глубину. Еще Святослав Игоревич спасал херсонесцев по их призыву о помощи от хазаров. Это достаточно известный факт. Существует так называемая записка греческого топарха...” Об этом и другом он вскоре с большим успехом будет рассказывать севастопольцам и, в свою очередь, придет в восхищение от глубины их восприятия.

Между тем нам открылся вид Сиваша. Тут я вспомнил одиссею О. В. Волкова, скакавшего где-то здесь в составе спешно сколоченной в Твери Красной кавалерийской части с письмом для Врангеля. Но Олег Васильевич опоздал и увидел только дымы уходящей в изгнание эскадры, в которой был и его дядя, адмирал Андрей Максимович Лазарев. Вспомнил я и его леденящие душу отрывочные склифовские рассказы (в октябре 1993-го) о чудовищных расправах победителей над остатками Белой армии и многочисленными беженцами, искавшими спасения от большевиков в Крыму. Ввиду ненадежности коренных красноармейцев к этим расправам привлекались главным образом интернациональные отряды, состоявшие в том числе и из невест откуда взявшихся китайцев. Именно они расстреляли из пулеметов ночью в Крымском саду под Симферополем около 5 тысяч гимназистов и кадет – по существу, мальчишек. Та же участь постигла и отфильтрованных чекистами студентов Таврического университета, среди которых были и знакомые Волкова еще по Петербургу. Местами особенно кровавых казней, с его слов, были: мыс Тарханкут, Евпатория, Херсонес, мыс Фиолент, Георгиевский монастырь, Байдарская долина, Форос, Керченский карьер и др. Словом, расстрелы и утопления осуществлялись фактически по всему периметру побережья Крымского полуострова вплоть до Новороссийска. Неудивительно, что и до Волкова я встречал на своем пути немало людей, которые независимо друг от друга воссоздавали картину крымской трагедии.

Говоря обо всем этом, я стремился дополнительно по мере своих знаний вооружить Кожинова, ибо думал, что его расчеты людских потерь, особенно в период Гражданской войны, наверняка будут оспариваться приверженцами революционной романтики. Естественно, что наш разговор переключился на Волкова. Оказалось, что Вадим Валерианович встречался с ним еще в своей молодости. Он превосходно отзывался о нем, однако в его отношении к старейшему писателю ощущалась какая-то двойственность. С одной стороны, он говорил о нем как о царственной личности, а с другой – как о негибавшем антисоветчике. Может быть, поэтому и спросил, не радуется ли он развалу Советского Союза. Я ответил, что, наоборот, известие об этом настолько потрясло Олега Васильевича, что он тут же выказал свою готовность снова провести в тюрьмах и лагерях сколько угодно времени, только бы это помогло восстановлению единства России. Как христианин, он всегда считал Сталина бичом Божьим и продолжал так считать. И вместе с этим признавал, что, несмотря ни на что, сталинские скрепы предохраняли страну от распада, помогая ей срастаться по кровотокающим разломам.

Не могу вспомнить, чтобы мой рассказ об отношении Волкова к распаду СССР впечатлил Кожинова. Однако в 1996 году, уже после смерти Олега Васильевича, он позвонил мне с просьбой повторить его во всех подробностях. Потому как последовала просьба на публикацию этого свидетельства, я понял, что сделал это лучше, чем на пути к Севастополю. А путь этот, как я теперь, задним числом, понимаю, был наполнен такими смыслами и предчувствиями, которые возможны разве только у идущих на Голгофу людей. Начну с того, что в общении со мной Вадим Валерианович вел себя так, словно я принадлежал к весьма узкому кругу доверенных ему лиц, тогда как общались мы с ним столь тесно вообще впервые. Конечно, я знал его творчество (с 1976 г.), бывал на выступлениях, порой неформальных, домашних, где он кого-нибудь да пропагандировал, как, например, певца Николая Тюрина. Однако наши отношения дальше взаимных приветствий не заходили. Может быть, еще и потому, что я принадлежал к окружению поэта Николая Константиновича Старшинова, кстати, совершенно открытому всем поэтическим направлениям, а Кожинов состоял с ним в конфликте из-за критических высказываний в адрес творчества его питомцев, что, по моему разумению, было хотя и неприятным, но еще в большей степени полезным явлением, поскольку способствовало мобилизации критикуемого к обоснованию своей позиции.

Так вот насчет голгофских смыслов и предчувствий. В какой-то момент нашего разговора о Волкове Вадим Валерианович вдруг протянул мне около пяти страниц ксерокопированных текстов: “Прочтите!” Я прочел Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 29 октября 1948 г. о выделении г. Севастополя в самостоятельный административно-хозяйственный центр, а также Постановление Совета Министров РСФСР от того же числа. Последний параграф Постановления обязывал Госплан, Министерство финансов, другие ми-

нистерства и ведомства РСФСР впредь выделять Севастополь в государственном плане и бюджете отдельной строкой. Таким образом, город становился самостоятельной, независимой от Крымской области административно-хозяйственной единицей республиканского подчинения. Согласно Постановлениям Президиума Верховного Совета РСФСР от 5 февраля 1954 г. и Совета Министров РСФСР от 15 февраля того же года Севастополь в состав УССР не передавался ни по каким параграфам даже косвенно. Передавалась только Крымская область. “Ну и что вы об этом думаете?” – спросил Кожин, когда я вернул ему ксерокопии. О безусловной принадлежности Севастополя России я знал и ранее, с самого зарождения распри из-за него. Однако юридических документов, подтверждающих это, мне видеть не доводилось. Их не печатали. Почему? Да потому, что сразу бы стало ясно, что ельцинское правительство в результате какой-то тайной от народа сделки просто передало Севастополь без их согласия, как какое-то имущество, Украине, которая оказалась не в состоянии осуществлять социальное обеспечение по всем статьям. Когда я сидел возле умирающей в Пироговской больнице Севастополя матери, то услышал, как заведующая отчитывала дежурившую ночью докторшу за то, что она приняла в стационар женщину с переломом позвоночника: “Как вы могли? Вы же знаете, что у нас даже йода нет в наличии!..” Тогда в больнице находились лишь те счастливицы, кому родственники сами покупали все лекарства. А врачи и медсестры, продолжавшие работать, по сути, бесплатно, производили впечатление людей, живущих впроголодь. Я ответил Кожину, что вижу документы, на основании которых ельцинской власти с полным основанием можно предъявить обвинение в заговоре и предательстве интересов России. Что я мог ему еще сказать! Да он и не требовал большего. Я не знаю, видел ли кто унывающего Кожина, впадающего в отчаяние, но в ту минуту у него был вид человека, только что вытащившего себя из пропасти. И вот в этом состоянии он сказал: “У меня есть предчувствие, что более антинародной власти, чем нынешняя, Россия еще не знала. Да, были жестокости, когда собирали страну, когда готовили народ к обороне. Но эти, наоборот, расчленили ее, обирают до нитки...” Впрочем, это состояние длилось недолго. И вскоре он заговорил о своем заветном желании посетить могилу отца Юрия Поликарповича Кузнецова, погибшего при штурме Сапун-горы.

В Севастополь мы прибыли без Гнеушева. Как оказалось, он вышел в Симферополе.

В этот же день в Главном штабе Черноморского флота России состоялась наша встреча с офицерами и представителями городской общественности, включая прессу. Вадима Валериановича особенно интересовал национальный состав его потенциальных слушателей и, конечно же, характер неформальных взаимоотношений между ними. К немалому нашему удивлению, оказалось, что более половины матросов Российского Черноморского флота составляют призывники из украинских областей. Говоря об этом, контр-адмирал Александр Александрович Пенкин подчеркнул:

“Никаких распри между матросами на национальном или бытовом уровне, несмотря на возникшие трудности, нет. Более того, нет их и на чисто народном уровне. Мы посылали делегацию подводников за продовольственной помощью в Новомосковский район Днепропетровской области. Мужики думали – там будет национализм. Ничего подобного. Семь дней, вместо запланированных нами двух, их принимали как национальных героев в школах, колхозах и совхозах. А расставаясь, плакали – не хотели отпускать. После отъезда рацион питания матросов значительно улучшился”.

Заметно улучшилось и настроение Вадима Валериановича. В порыве вдохновения он даже выступил с небольшой лекцией. Привожу здесь выдержку из нее:

“Наша история страшно фальсифицирована. Всё подается так, что вот было украинское государство, а Россия, мол, его завоевала. Это, конечно, чушь, ибо еще до XII века существовали две столицы Руси: Киев на юге и Ладога на севере, которые по своему значению до поры до времени были равноценны. Впоследствии, когда русское государство по-настоящему выросло, пограничное расположение двух столиц оказалось чем-то ненормальным, и прежде всего с точки зрения внешних угроз. Вот почему Андрей Боголюбский, внук Владимира Мономаха, основал в центральной части страны город Владимир, а по сути – второй Киев. И не только потому что он выбрал для не-

го место, удивительно схожее с местом расположения Киева на Украине. Сегодня нужно учитывать: Клязьма в то время была даже полноводней Днепра. Но главное – в киевском духе им были построены три великолепных храма: Успенский, который стал прообразом московского, Дмитриевский и уже совершенно высшее проявление русского зодчества – храм Покрова на Нерли. Благодаря этому там, а не здесь, на Украине, сохранились все русские летописи, рассказывающие о Киеве... И далее, если сравнить обе Софии – киевскую и новгородскую, – которые строились почти одновременно и были похожи, как сестры-близнецы, то окажется, что новгородская осталась из былины, а киевскую Софию переделали в польскую. Почему так? Да потому, что около четырех веков Украина была захвачена сначала литовцами, а затем поляками, но государством как таковым она никогда не была. Правда, с декабря 1917-го по январь 1919 года она позиционировалась жовто-блакитной, но то был план расчленения России при помощи разного рода мифов о независимости”.

В таком ключе и таком духе проходили выступления Кожинова на кораблях и в частях Черноморского флота. Чаще всего встречи носили характер вопросов и ответов, не исключая и острейших, таких, например, как вопрос голодомора на Украине в самом начале 1930-х годов. Отвечая на него, Вадим Валерианович на конкретных цифрах и фактах показал, что это был не только украинский голодомор (геноцид), но что людские потери от него в России были не менее чудовищными, нежели на Украине.

Я уже сказал, что Кожинов был одержим желанием посетить могилу геройски погибшего при штурме Сапун-горы отца Юрия Поликарповича Кузнецова, о чем он не уставал говорить при всяком удобном случае. И вот 8 мая, в сопровождении капитана I ранга Владимира Савельевича Тищенко, которого, вспомнив “Капитанскую дочку” А. С. Пушкина, все дружно прозвали Савельичем, – мы выехали в Балаклавский район на поиски могилы. То, что ее надо было еще разыскивать, несколько огорчило Кожинова. Он из-за этого, можно сказать, даже раздражлся: “Мне всегда думалось, что такого человека, как Поликарп Ефимович, должны здесь помнить. Ведь он же первым с отрядом своих разведчиков форсировал Сиваш и за это был представлен к званию Героя, но поскольку вскоре погиб, подорвался на mine, – звание не присвоили. Считали, зачем же мертвому давать?”

Это было сказано с такой горечью, что Савельич, чувствовавший себя ответственным за самочувствие гостей, незамедлительно и как бы в пику верховным штабным бюрократам ответил: “Зато Бог дал ему сына – крупнейшего поэта России!”

Вадим Валерианович в тон ему сразу оживился: “Да, он же, кстати, написал замечательную поэму о гибели отца под названием “Четыреста”. Знаете? Очень сильная вещь. Былина, я бы сказал. Просто рассказал всё об отце в ней”. И вслед за этим стал читать свое любимое стихотворение Кузнецова “Возвращение”:

*Шел отец, шел отец невредим
Через минное поле,
Превратился в клубящийся дым —
Ни могилы, ни боли...*

После этих строк Савельич невольно воскликнул: “А что же мы тогда сейчас ищем?” Кожинов тут же устранил возникшее недоразумение. По его словам, Юрий Поликарпович с детства считал, что после подрыва на mine от его отца вообще ничего, кроме дыма, не осталось. О том же, что отцовская могила существует, он узнал гораздо позже, когда это стихотворение было не только написано, но и многократно напечатано.

Наши поиски несколько затянулись из-за того, что, как выяснилось, прах Поликарпа Ефимовича перенесли из села Шули, где он был первоначально захоронен, в сборное братское захоронение на возвышенности под названием Терновка. Там, на стеле, во главе длинного списка упокоенных воинов стояло имя подполковника П. Е. Кузнецова, погибшего 8 мая 1944 года. Таким образом, совершенно неожиданно для нас, наше посещение совпало с днем 50-летия с момента его гибели. Выглядело весьма юбилейно и ухоженное захоронение со свежими цветами. К ним прибавились и розы, привезенные Вадимом Валериановичем. В те минуты, когда он поклонился этой могиле,

лицо его выражало неизъяснимое умиротворение и одновременно совершенное удовлетворение произошедшим. Несомненно, в нем было чрезвычайно развито чувство подлинного, истинно святого, и это чувство составляло существо его обыкновенно бурливой личности.

В этом смысле мне было непонятно, почему им не воспринимались стихи Николая Дмитриева (питомца и любимца Н. К. Старшинова), весьма сходные по содержанию с кузнецовскими стихами. Я попытался это выяснить тогда же в Терновке, благодаря тому, что заряженный на разговор о Кузнецове Вадим Валерианович сам подвел меня к этой теме. Его изумляла феноменальная способность Юрия Поликарповича преодолевать время, восторгало его умение выражать национальное и всечеловеческое в объеме истории от античности до наших дней. Он говорил о несравненном владении им многовековой образностью, однако огорчался тем, что у Кузнецова много подражателей, а последователей или равновеликих ему соратников нет.

Чувствуя, что Кожинов испытывает на мне свои мысли, я заговорил о стихотворении иного поэта, стихотворении также об отце, в котором нет многовековой образности, нет никакого преодоления времени, но есть многовековое, если не сказать вечное, в человеческом измерении содержание, и прочел наизусть:

*Тихо кружится звездная сфера,
Светит млечная пыль на сосне.
“Разворачивай пушку, холера!” —
Это батька воюет во сне.*

*На земле, под разрывами шаткой,
Обругав по-российски ребят,
Он в последнюю сорокапятку
Досылает последний снаряд.*

*На полу мои ноги босые —
Вот бы мне в этот сон, в этот бой!
Вдруг сегодня отец не осилит,
Не вернется оттуда живой?!*

Я обратил внимание Кожинова на то, что в этом стихотворении с первой же строки как бы слышится музыка небесных сфер, сопровождавшая мировосприятия древних греков и римлян. Отметил и безупречное его исполнение, в результате которого в пределах всего лишь трехстрочного объема осуществлено сочетание эпического, лирического и драматического, причем настолько естественно и ненавязчиво, что сразу и не осознаешь этого. В этом стихотворении едва ли не идеально соблюдено чувство меры, которое в конечном счете определяло степень поэтического совершенства у античных поэтов.

Оказалось, что Вадим Валерианович знал это стихотворение, однако относил его к разряду тематических. Действительно, с этой, то есть атеистической точки зрения, восприятие стихотворения исчерпывается чисто техническим сюжетом: бывшему фронтовику, отцу автора, снится бой, в котором осталась одна пушка и один последний снаряд. Сын хотел бы попасть в этот сон, чтобы помочь отцу вернуться из него живым — и всё! К этому можно прибавить только то, что Коля Дмитриев — любящий сын и хороший мальчик. Но в христианском восприятии, независимо от объема времени, этот же сюжет обретает извечный смысл единства отца и сына, созвучный библейскому смыслу. Но и это еще не всё. Совершенно неожиданные, достаточно глубокие смыслы выявляются в стихотворении Н. Дмитриева при сопоставлении описываемого в нем сна с довольно древним представлением о том, что большинство живущих на земле не более, чем призраки, что многие смертные видят противоестественные сны, ибо и живут как во сне. То, что противоестественная действительность может рождать в человеке ощущение своей призрачности, мы с Кожиновым убедились, видя плачевное состояние брошенного на произвол судьбы Черноморского флота, оказавшегося как бы ненужным своему правительству, своей стране. Особенно нас потрясло потустороннее безмолвие полуразграбленной, беспризорной базы подводных лодок в Балаклавской бухте. Мы понимали, что наша Родина, защищая которую полегли миллионы и миллионы сол-

дат, рушится, а поделаться с этим ничего не могли, поскольку и противника как бы не было, и верховная власть словно околела, глядячи стеклянными глазами на то, как вчера еще единый российский народ под ее руководством оказался лишним в собственной стране. Ощущение того, что ею правит чужая голова, было всеобщим и повсеместным.

В этой атмосфере неподвластного нам распада описываемый Дмитриевым сон его отца необъяснимым образом вызывал ощущение этико-драматического пространства, охватывающего дотоле недосыгаемые глубины человеческого бытия. Вместе с этим поражало отнюдь не то, что этот сон был *явным продолжением фронтовой жизни уцелевшего на войне солдата*, изумляло, что он был естественным в *противоестественном контексте истории XX века*, с его громадными человеческими и нравственными потерями. Следует оговориться — речь идет не о каком-то исключительном случае: сны многомиллионной армии фронтовиков послевоенного времени были всегда и всюду одинаковыми — солдаты и в своих снах продолжали защищать свое Отечество, как дар Божий, что, несмотря на тотальную атеистическую идеологию, повсеместно осознавалось. Вот почему, как правило, фронтовики *никаким чувством вины не страдали и ни в какой психологической реабилитации не нуждались*. И поэтому же их военные сны были не только естественными, но и праведными. Тогда в Крыму мы с Кожинным завидовали этим снам.

И все же после всего сказанного мною Вадиму Валериановичу не доставало какого-то решающего аргумента в отношении сопоставимости стихотворений Дмитриева и Кузнецова. А он, этот аргумент, лежал на поверхности. Дело в том, что кузнецовское стихотворение есть не что иное, как выстраданный сон сына о возвращении отца с войны. И этот сон тоже праведный и тоже типичный. В послевоенной стране миллионам сирот снились их погибшие отцы, возвращающиеся домой. Немаловажно и то, что оба поэта написали свои стихи независимо друг от друга фактически одновременно — в 1974 г. Некоторое время спустя уже в Москве Вадим Валерианович сказал мне, что внимательно перечитал стихи Дмитриева и теперь считает его лучшим поэтом окружения Николая Старшинова. «Почему бы вам сегодня не написать о нем?» — спросил я. Он ответил, что с головой погрузился в историю России и напрочь отошел от поэзии. Однако буквально через полчаса после этого заявления он сам заговорил о стихах, но об этом уже следует вести речь отдельно.

Конечно, рассказать здесь в полном объеме о пребывании Кожинова в Севастополе просто немыслимо, поскольку непрерывный интерес к нему севастопольцев, среди которых были значительные, теперь уже несомненно исторические личности, выявил в нем человека, включенного в самые разнообразные сферы нашей действительности. Поэтому упомяну еще только об одном застольном вечере, проходившем в Байдарской долине на охотстанции у села Родникового. Организовал его председатель Военно-охотничьего общества Черноморского флота капитан 2 ранга Игорь Владимирович Маркевич, кстати, весьма крупный морской писатель и драматург. К примеру, его пьеса «Смех и слезы Херсонеса» многие годы ставилась на исторических развалинах силами артистов севастопольского драмтеатра им. Б. А. Лавренева, а лирико-драматическая комедия «На флоте бабочек не ловят» выдержала в этом же театре около 500 постановок.

На вечере присутствовали сотрудники газет «Флаг Родины» и «Слава Севастополя», руководители общественных движений и среди них председатель Севастопольского совета ветеранов войны, фронтовик, писатель, переживший за русскую позицию несколько покушений на свою жизнь, Александр Георгиевич Круглов. И конечно же, украшением вечера были офицеры, которые под командованием адмирала Игоря Владимировича Касатонова и вице-адмирала Виталия Петровича Ларионова, по сути, спасли, причем самоуправно, Черноморский флот для России. Скажу больше. Этим они спасли, во взаимодействии с другими флотами, и саму Россию от дальнейшего ее распада, ведь Ельцин, обращаясь к бывшим советским республикам, открыто призвал: «Берите столько суверенитета, сколько проглотите!» В прессе этот президентский клич подавался как дарование вождельных свобод. Но в действительности это был прямой призыв к разрушению российской цивилизации. Не все это понимали. Но моряки поняли и не соблазнились никакими посулами. Они не стали бунтовать, не стали протестовать, однако их молчание было красноречивей любого протеста, ибо залп только одного ракетного крей-

сера был равен ракетному залпу всего Одесского округа. О своей нешуточной решимости они уже заявили однажды, когда в ответ на попытку каких-то руховских экстремистов высадиться со стороны моря в районе мыса Тарханкут открыли предупредительный огонь из орудий легкого калибра и тем самым обратили в бегство их массовый лодочный десант. Во всяком случае, Ельцин не решился ни разоружать стоявший на границе с Турцией флот, ни сокращать его. Он лишь свел его финансирование до такого минимума, при котором ему невозможно было выжить.

На Кожина, до этого уже взглянувшего на мир через перископ подводной лодки, произвело сильнейшее впечатление единодушное понимание окружающими своей исторической миссии. “Севастополь не просто святой город, – сказал в своей речи адмирал Виталий Петрович Ларионов, – он является общенациональной святыней. Особенно это чувствуется сегодня, когда к нам на празднование 50-летия его освобождения от немецко-фашистских захватчиков приехали полномочные представители *всех флотов* России и ветераны Великой Отечественной войны *из всех республик* бывшего СССР”. Адмирал выразил всеобщее мнение офицеров: проблема Черноморского флота – это проблема славянства, его неизменного единства. И это была не казенная декларация. “Мы не политики – мы военные, и флот мы не сдадим”, – говорили нам на предыдущих встречах не только офицеры, но и матросы, и просили только, чтобы на всех уровнях звучал писательский голос в защиту Севастополя. Они не знали, что ельцинская власть в первую очередь отсекала национально мыслящих писателей фактически от всех средств массовой информации, упразднив при этом единую систему распространения по стране книг и журналов. Те же буквально несколько изданий в Москве, которые их печатали, выходили мизерным тиражом.

Несколько неожиданным, говоря словами Кожина, было “явление Круглова”, выступившего как бы в развитие речи адмирала: “Вы, Виталий Петрович, сказали, что проблема Черноморского флота никак не улаживается и наши верховные руководители не хотят употребить власть или ее не имеют. И тут вы обозначили самое главное – их надо заставить думать о нашей проблеме или даже поставить в такое положение, из которого они не найдут никакого иного выхода, кроме как решить нашу черноморскую проблему положительно. Многих сейчас удивляет, что я, в своем возрасте, дал согласие баллотироваться в мэры города в противовес другим, даже весьма уважаемым кандидатам. Почему? Да потому, что я не верю, что они пойдут на те шаги, на которые пойду я. А я пойду на них осознанно, потому как знаю, какая мощная, безупречная правовая база есть у Севастополя, с его российским статусом”. Флотские офицеры сдержанно отнеслись к заявлению пылкого сухопутного артиллериста, а вот Вадима Валериановича упоминание о мощной правовой базе явно порадовало. Однако в своей речи он стал говорить не о ней, а о том, как полтора года назад его пригласили участвовать в российско-американской конференции, посвященной национальным интересам России. Изучив список ее участников с российской стороны, он обнаружил себя в чуждом и даже враждебном ему окружении. Там были, по его словам, Андрей Владимирович Козырев (министр иностранных дел РФ с октября 1990-го по январь 1996 г.), Арбатовы, отец и сын, тогдашний посол США в России и др. “Далее, – рассказывал Вадим Валерианович, – мне звонит мидовский чиновник: “Ну как, вы будете участвовать?” А я ему: “Вы знаете, я очень удивлен, вы меня включили в такой состав...” Он говорит: “Мы вас не включали”. – “А как?” – “Это американцы определяли, кто будет участвовать от России”. Тут я даже на некоторое время онемел от ужаса – до чего же мы дожили, если американцы определяют, кто от России будет выступать по вопросу ее национальных интересов!”

То, что американцы включили именно его в столь одиозную компанию, Кожина не смущало, поскольку с 1958 года он был ярким антикоммунистом и дружил со многими антисоветчиками, такими как Александр Зиновьев и Андрей Синявский. Видимо, в Штатах об этом знали и решили, что он подходящая кандидатура. Однако тамошние сведения сильно устарели. По настоянию Кожина участниками конференции все-таки стали четыре человека из его круга. Саму конференцию он описывать не стал, сказав только, что это было “совершенно потрясающее зрелище”. Зато поведал о своем выступлении, в котором заявил, что из 50 участников конференции с российской стороны всего лишь двое никогда коммунистами не были – он и председатель кадет-

ской партии Астафьев, остальные еще вчера ходили с партийными билетами. Этим заявлением он сверг американскую аудиторию в легкое замешательство.

Кто-то из присутствовавших на вечере, кажется, Савельич, спросил, а почему он стал ярым антикоммунистом. Кожинов ответил, что это случилось под влиянием свидетельств тогда еще многочисленных очевидцев о репрессиях, осуществлявшихся главным образом в период Гражданской войны, которые в количественном измерении значительно превосходили сталинские. Только с 1918-го по 1922 год погибло, не считая вынужденно эмигрировавших за рубеж, не менее 25 миллионов человек. Если учесть, что население страны в 1917 году составляло 147 миллионов, то это гораздо больше, чем погибло во время Великой Отечественной войны, потому как погиб каждый шестой человек в стране. Об этом умалчивали и умалчивают. Зато образы кровавых палачей нашего народа чуть ли не восхваляют. К примеру, Троцкого, страдавшего манией мирового пожара, а по сути подобно Гитлеру мечтавшего о всесветной власти, телевидение выставляет эдаким безобидным романтиком революции и едва ли не сентиментальным ее поэтом, поэтому, мол, он и проиграл борьбу за власть. Но такая подача в реальности палача-Троцкого тянет как минимум на соучастие в его намерениях. По мнению Кожинова, Сталину в преддверии войны нужны были знавшие свое дело хозяйственники, а не амбициозные, с палаческим опытом руководители, продолжавшие жить гражданской войной. Поэтому он и уничтожил их, заменив провинциальными, тяготившими к государственной службе людьми. Ведь что бы ни говорили о том же Тухачевском, никаких военных талантов, кроме жесточайшего подавления крестьянских восстаний, он не проявил. Зато все настоящие боевые сражения он проиграл, и особенно позорное в Польше.

Закончив с ответом о причине своей антикоммунистической позиции, Вадим Валерианович некоторое время пребывал в молчании, как бы давая окружающим возможность осмыслить им сказанное, и вдруг продолжил в духе того, что вот, говорят, большевики предложили программу преобразования России, которая из-за своей утопичности потерпела крах. Я же думаю, что в сравнении с нею гайдаровская программа реформ – не просто утопия, но блеф чистой воды. Нам предлагают, вернее, навязывают, рыночную экономику, при которой существование каждого предприятия целиком и полностью определяется прибыльностью. Но эта прибыльность в большинстве случаев продиктует совершенно новое расположение производственных хозяйств. Например, всё, что будет находиться в аграрной отрасли севернее на 300–500 километров от широты Кубани, окажется убыточным по причине более суровых климатических условий. Кто в этом сомневается, может изучить рыночный опыт Канады, имеющей сходную с нашей протяженность с юга на север в 3000 километров.

Таким образом, упование на прибыльность приведет к обезлюдиванию и без того малолюдных территорий страны из-за сворачивания неприбыльных хозяйств и производств, кстати, создававшихся по принципу государственной и народной необходимости. Одним словом, для перехода к рыночной экономике нам понадобится полностью перестроить все наше хозяйство. Во что это выльется?

Тут Вадим Валерианович обвел своих слушателей долгим испытующим взглядом и предложил: “Я думаю, вам известно, об этом наши газеты прокричали и телевидение неоднократно с восторгом сообщало, что западногерманское правительство ежегодно вкладывает в Восточную Германию сто миллиардов марок для построения в ней капитализма. Поскольку в бывшей ГДР в десять раз меньше населения, нежели у нас в Российской Федерации, следовательно, нам для такой же цели необходимо ежегодно выделять не менее одного триллиона марок, что абсолютно невыполнимо ввиду отсутствия таких денег, то есть программа рыночной экономики совершенно не способна быть реализованной в наших российских условиях. Ко всему этому, нужно учитывать, что даже кратковременная попытка ее реализовать вызовет, прежде всего у властных чиновников, колоссальный соблазн извлекать прибыли путем спекулятивных и разного рода мошеннических комбинаций. В результате страна окажется в таких дебрях коррупции, из которых ее смогут вывести только самые крайние меры”.

Кожинов обратил внимание на то, что так называемые “новые русские”, даже близко не создав ничего нового в технике, науке и других областях, тем не менее с маниакальной настойчивостью хотят пользоваться самыми современными, самыми роскошными достижениями современной цивилизации. По его мысли, если бы Господь распределял людям эти достижения по их за-

слугам и значению, то такие деятели, как Авен, Гайдар и Чубайс, сразу бы оказались в лучшем случае в сталинских “марусях”.

“Вы можете, конечно, рассмеяться или даже сказать, что я говорю чепуху, — упреждал он возможную реакцию своих слушателей, — но я ответственно заявляю, что такие люди, как Гайдар, в экономическом смысле воспитаны не более, чем на 4-й главе Краткого курса истории ВКГ(б), сочиненной И. В. Сталиным. Чем это выявляется? Прежде всего тем, что эти люди абсолютно и категорически убеждены, что лишь путем изменения производственных отношений всё будет достигнуто. Вот надо только их изменить, и у нас будет полное изобилие. Это крайне примитивная, говоря научным языком — редуccionистская точка зрения, которая всё сложнейшее развитие человеческого общества сводит к одной стороне. В данном случае все сводится к изменению исключительно производственных отношений, где будут доминировать капиталисты и бизнесмены с посткоммунистическим оскалом”.

Кожинов утверждал, что под маской “новых русских” скрываются модернизированные большевики, и доказательство тому — окружающая нас действительность, стремящаяся к рыночному “ГУЛАГу”, где полноценно и безопасно могут питаться, лечиться, учиться и пр. лишь дельцы и спекулятивные бизнесмены, где сельское население заблокировано и не может даже по сестеостимости реализовать выращенный своим трудом урожай, а горожане давно потеряли уверенность в том, что завтра не окажутся на улице в результате ризэлторских квартирных махинаций. Закончил Кожинов свою речь ироническим прогнозом, что, мол, кто-нибудь из присутствующих доживет до времени, когда Гайдара будут по тому же телевидению позиционировать как незабвенного страдальца и неисправимого романтика перестройки, который якобы страстно желал российскому народу блага, а тот его не понял — стал страшно пить и бомжатничать.

Были вопросы. Женский: “Неужели действительно всё так безнадежно?” — “Дело даже хуже, чем вы можете себе представить, — отвечал Вадим Валерианович. — Простите, что не могу вас утешить. Вынужден сказать, что всё имеющееся у вас в Крыму, включая и это очень милое охотничье хозяйство, всё это не годится с точки зрения прибыли, если его перевести на чисто рыночные отношения”. Игорь Маркевич дополнил, что, по его сведениям, ни одно охотничье хозяйство в мире не является сегодня прибыльным. Александр Георгиевич Круглов спросил: “Не получается ли из всего сказанного, что мы вернемся к государственной плановой экономике?” — “Совершенно верно, — ответил Кожинов, — другого выхода у нас нет. Более того, весь мир сегодня в каком-то смысле к этому идет. Но это уже очень сложная проблема, прочно связанная с экологией”.

Когда же Кожинова спросили о его отношении к отъединению Белоруссии и Украины от России, он ответил в том смысле, что независимость пройдет, а кровное родство останется: либо мы вернемся на путь действительно единого русского государства, либо погибнем порознь. Об этом говорит не только наша общая история, но и окружающая нас агрессивная реальность. В связи с этим в своем интервью севастопольскому радио он сказал: “Ясно вижу, что российское, московское телевидение не совсем верно характеризует обстановку в Севастополе и старается доказать, что здесь накалены отношения, что город готов взорваться. Но я сразу ощутил спокойную силу флота и спокойную силу севастопольцев”.

Город русской славы и его жители произвели на Кожинова неизгладимое впечатление. Оно выражено в следующем признании: “Я увидел в Севастополе место той Отчизны, ради которой стоит жить. Я почувствовал здесь Родину более, чем в Москве, в которой родился и прожил всю жизнь”.

Это признание разделила с ним и весьма существенно дополнила и обьяснила в своей речи на вечере в охотстанции Елена Владимировна Ермилова: “В Севастополе меня пленила не только красота морской формы, но в целом совершенно удивительное благородство и обаяние ее носителей, то, что нельзя выразить и ни с чем сравнить нельзя. И вместе с этим я испытываю ощущение того, что российский Черноморский флот — это последняя опора, последний пример человеческой и воинской стойкости в нашей стране. Говорю так потому, что не уверена, есть ли в других флотах такая глубина, такое спокойное сопротивление и самостояние”. В этом месте раздались голоса: “И на других флотах то же самое!” Елена Владимировна продолжала: “Слава Богу, слава Богу, если так. Тем более я счастлива, что здесь побывала, что

я это увидела, потому что мне в Москве казалось, честно вам скажу, что все кончено, что нет уже той силы, которая способна остановить беспредел расчеловечивания. Может быть, вам это не совсем понятно, но мы в столице заложники этого беспредела и находимся как бы в эпицентре какого-то помешательства. Нелегко говорить, но для понимания истинного положения необходимо сказать, что Москва сегодня – это страшная клоака, потому что в ее интерпретации через прессу, телевидение всё, даже то, что само по себе глубоко и прекрасно в России, превращается в какую-то низменную пошлость и надругательство над людьми и над страной”.

Владимир Николаевич Крупин выразил свою солидарность с этой весьма неожиданной, но совершенно необходимой речью Елены Владимировны, поскольку она внесла ясность в разговор о происходящем в Москве, от которой в конечном счете зависела судьба Черноморского флота.

На обратном пути в столице Вадима Валериановича было достаточно приподнятым. Он охотно говорил, анализировал свои выступления, находил в них даже комические моменты. Например, когда севастопольские журналистки пытались с ним полемизировать по поводу стихов Ю. П. Кузнецова и особенно из-за строки “Я пил из черепа отца. . .” Тут он весело засмеялся, причем над собой, то есть над тем, как он пытался вырваться из их полемических тисков, а это ему не удавалось. Вырывался он потому, что его позиция по отношению к этой строке была со всех сторон уязвимой против выставленных ими аргументов. Смеялся и говорил: “Вот бы их свести с Юрием Поликарповичем”. Оказалось, у Кожинова с Кузнецовым был спор об этой строке. Однако, как говорится, нельзя объять необъятного и тем более нельзя рассказать бесконечного.

28 мая того же года Вадим Валерианович пригласил меня к себе домой, как он сказал, “для делового предложения”. Я занимался изучением и описанием сел и деревень Московского региона, а Кожинов считал эту тему важнейшей и потому предложил мне по возможности живо и доказательно рассказать о ней в статье для недавно основанного в Москве красочного журнала “Русская провинция”. Но с аналогичным названием, только в гораздо более скромном оформлении, в Твери уже выходил журнал. Его главным редактором был тогда Михаил Григорьевич Петров, крепкий писатель и большой подвижник. Мы друг друга знали, и мне ничем даже косвенно не хотелось его огорчить. Поэтому я спустил кожиновское предложение на тормозах, сославшись на занятость, что на самом деле было правдой.

В дальнейшем еще были беседы, но я хочу закончить эти воспоминания последней встречей. Она состоялась в январе 2001 года, недели за две до его неожиданной кончины. На этот раз Вадим Валерианович решил познакомить меня с песнями в исполнении Александра Николаевича Васина-Макарова, которого, как я почувствовал, он очень любил. Познакомить с тем, чтобы я каким-то образом помог устроить его концерты в сельских районах Московской области. Для начала он даже был готов, если это понадобится, участвовать в этих концертах в качестве комментатора или разъяснителя русского песенного жанра.

Эта его идея требовала предварительной проработки. Я сказал ему об этом, и он переключился на разговор о Людмиле Викторовне Гладковой, на которую возлагал большие надежды как на переводчицу французских текстов Ф. И. Тютчева, многие из которых оставались еще недоступными. Тютчевская тема, судя по его плану, не отпускала его. Поэтому он радовался, что нашел в ней филологически одаренного соратника. И действительно, в предисловии к подготовленной им книге “Ф. Тютчев. Полное собрание сочинений” (М.: Вече, 2000) он писал: “Нельзя не сказать и о том, что написанные по-французски статьи поэта публиковались до сих пор в не соответствующих, не адекватных тютчевскому языку и стилю, а также в определенной степени неточных и неполных переводах. Представленные в этой книге новые переводы, осуществленные Л. В. Гладковой, значительно более точны и удачны”.

Вадим Валерианович называл себя полемическим человеком, но в гораздо большей степени он был человеком всеобщего дела, человеком, обладающим навигационным умом и чувством немедленной ответственности за судьбу Отечества. Задолго до всяких комиссий по противодействию искажениям истории он занимался обезвреживанием заложников в нее в разные времена мин, которые, как оказалось, способны разъединять целые даже кровно родственные народы.